

Се Ли был из тех, кто не любил откладывать дела на потом или принимать желаемое за действительное, когда доходило до дела. Сталкиваясь с проблемой, он быстро принимал решения и, приняв их, действовал твердо.

Все эти дни он плохо отдыхал, но сегодня вечером, в тот момент, когда он вошел в камеру Чан Сяоцзя, его эмоции на мгновение успокоились.

К тому времени, как он закончил заправлять постель, уже почти наступило время отбоя. Он лег, повернулся лицом к стене и быстро закрыл глаза, чтобы уснуть.

Однако этот сон длился недолго. Се Ли почувствовал, что кто-то забирается к нему на кровать, и мгновенно проснулся.

Даже в затемненной камере после отбоя не было полной темноты. Прожекторы на игровой площадке и на окружающих стенах все еще горели, заливая комнату непрерывным потоком света через окно без занавесок. Вся комната была освещена так, что позволяло почти отчетливо разглядеть лицо человека, лежащего на кровати.

Естественно, тот, кто забрался на его кровать в это время и в этом месте, не мог быть кем-то другим. Се Ли открыл глаза и посмотрел на стену, продолжая лежать на боку и не двигаясь, пока Чан Сяоцзя не подошел сзади и не обнял его за талию.

Рука Чан Сяоцзя была мягкой и пушистой, она скользнула под тюремную форму Се Ли и слегка коснулась его упругих мышц живота, слегка прохладных.

На самом деле Се Ли заметил, что температура тела Чан Сяоцзя была немного ниже, чем у него самого, что навело его на мысль о слухах о слабом здоровье Чан Сяоцзя с детства.

Чан Сяоцзя прошептал Се Ли на ухо:

- Разве ты не должен поблагодарить меня?

Се Ли молчал, и он услышал, что во всей камере по-прежнему царит тишина. Никто еще не начал храпеть; вероятно, все неподвижно лежали на своих кроватях, прислушиваясь к движению на своей стороне.

Чан Сяоцзя, не получив ответа, не торопился. Он поиграл в лазание пальцами по нижней части живота Се Ли, медленно ползая, пока не добрался до груди, где ущипнул маленькое местечко.

Се Ли не удержался и схватил его за руку, поворачивая к себе лицом. Он спросил:

- За что я должен тебя благодарить?

Чан Сяоцзя двусмысленно улыбнулся и тихо прошептал:

- Если бы не я, ты бы сейчас сидел в камере Дай Хао.

Се Ли молчал.

Кровать была односпальной, и двое мужчин лежали лицом друг к другу, естественно, очень близко.

Чан Сяоцзя, прерывисто дыша, находился прямо перед Се Ли, и взгляд Се Ли был почти полностью занят его глазами.

- Последние несколько дней ты был немного не в себе, - сказал Чан Сяоцзя.

Се Ли спросил его:

- Почему?

Чан Сяоцзя спросил:

- Зачем провоцировать Дай Хао?

Тон Се Ли был спокойным.

- Он спровоцировал меня.

Чан Сяоцзя усмехнулся и убрал руку от Се Ли, желая снова коснуться его лица.

В результате Се Ли снова взял его за руку, а другой рукой схватил Чан Сяоцзя за шею.

- Не прикасайся ко мне!

Чан Сяоцзя посмотрел на него.

Се Ли холодно сказал:

- С меня хватит всех вас!

Чан Сяоцзя кашлянул:

- Что за агрессия? Отпусти меня.

Се Ли, наконец, отпустил его.

Чан Сяоцзя поднял руку, коснулся своей шеи и спросил Се Ли:

- Итак, что ты хочешь сделать?

Не имело значения, что хотел сделать Се Ли; реальность была перед ним, и он уже сделал выбор. Внезапно он поднял одну руку, закрывая рот Чан Сяоцзя, а другой запустил руку в свободно завязанные брюки Чан Сяоцзя.

Чан Сяоцзя слегка охнул, и Се Ли снова прижал его к себе.

Се Ли схватил Чан Сяоцзя, глядя на него свирепым взглядом.

Через некоторое время Чан Сяоцзя перестал сопротивляться. Он начал плакать, его дыхание стало тяжелее, он не мог выдохнуть. Было слышно только его тяжелое носовое дыхание, и его тело слегка дрожало.

Се Ли прикрыл рот Чан Сяоцзя, чтобы заглушить любые звуки, но их действия все равно производили заметный шум в тихой обстановке. Вероятно, другие заключенные в камере могли это отчетливо слышать.

Со временем тело Чан Сяоцзя стало мягче. Он согнул колени, и его ноги, лишенные силы, раздвинулись. На лбу у него выступил пот, а влажные волосы стали мягкими.

Се Ли посмотрел в водянистые глаза Чан Сяоцзя.

Чан Сяоцзя тоже посмотрел на него, его взгляд был рассеянным, но на удивление нежным. В конце концов, кадык Чан Сяоцзя дернулся, его ноги напряглись, и все звуки были заглушены ладонью Се Ли, превратившись в неясные гнусавые звуки. Он попытался приблизиться к Се Ли, уткнулся лбом в плечо Се Ли и закрыл глаза.

Се Ли приостановил свои действия и через некоторое время вытер скользкую и липкую жидкость со своих рук о ноги Чан Сяоцзя. Затем он вытащил руку из брюк и разжал губы.

Дыхание Чан Сяоцзя еще не полностью восстановилось, а его глаза были влажными и безжизненными, когда он смотрел на Се Ли. Его голос дрожал, когда он заговорил:

- Разве ты не говорил мне, чтобы я убирался?

Тон Се Ли был спокойным.

- Не приказывай мне.

Чан Сяоцзя посмотрел на него с любопытством, затем придвинулся ближе, почти касаясь губами его губ, и хрипло произнес:

- Ты больше не притворяешься?

Се Ли почувствовал легкое волнение в своем сердце, но его тон не изменился, когда он спросил:

- Притворяюсь кем?

Чан Сяоцзя не ответил. Он просто серьезно посмотрел на выражение лица Се Ли. Спустя долгое время он внезапно сел.

Се Ли увидел, что Чан Сяоцзя сидит на краю кровати. Его стройная фигура поникла, и он некоторое время шарил по полу в поисках своих тапочек. В конце концов, он нашел их и тихо подошел к раковине у окна. Послышался шум воды.

Через некоторое время Чан Сяоцзя вернулся в постель. Се Ли подумал, что ему стоит вернуться на свою койку, но он лег на кровать Се Ли, от него исходил слабый аромат прохладной воды. Он потянулся и обнял Се Ли за талию.

Се Ли спросил его:

- А ты не боишься, что тебя обнаружат охранники?

В каждой камере были камеры наблюдения. Перед отбоем охранники подсчитывали количество людей, но после отбоя они не всегда обращали внимание на активность каждой камеры. Тем не менее, быть обнаруженным ночью не в своей постели было серьезным нарушением, от оценки зависела продолжительность приговора.

Чан Сяоцзя беззаботно ответил:

- Я не боюсь.

Се Ли почувствовал себя немного неуютно. Они вдвоем втиснулись на маленькую кровать, и Се Ли показалось, что на ней тепло, тем более что это был Чан Сяоцзя. Он уже был измотан, и ему стало трудно снова заснуть.

Немного полежав в постели, Се Ли спросил Чан Сяоцзя:

- Ты не хочешь спать?

Чан Сяоцзя ответил:

- У меня бессонница.

Через некоторое время он добавил:

- У меня бессонница каждый день.

Се Ли на мгновение растерялся, не зная, что ответить.

Чан Сяоцзя обнял его крепче и сказал:

- Похлопай меня по спине.

Се Ли взглянул на него. Одной рукой обхватив его за шею, другой прижимая к себе, Се Ли нежно похлопал его по спине и погладил по волосам.

Чан Сяоцзя прижался лицом к груди Се Ли, и его голос стал легким:

- Когда я был ребенком, моя мама обычно укладывала меня спать вот так.

Се Ли холодно произнес:

- Я не твоя мама.

Чан Сяоцзя сказал:

- Конечно, нет. У тебя твердая грудь.

Се Ли не ответил, но продолжал медленно поглаживать его по спине.

Они больше не разговаривали, и в камере воцарилась тишина. Через некоторое время Се Ли начал постепенно слышать храп других людей. В какой-то момент он почувствовал себя совершенно опустошенным, не понимая, где он находится и что делает.

Позже Се Ли услышал, как дыхание Чан Сяоцзя стало медленным и глубоким. Он прекратил свои движения и сначала посмотрел вниз, чтобы убедиться, что Чан Сяоцзя не проснулся. Затем он отпустил Чан Сяоцзя, позволив ему лечь на кровать.

Чан Сяоцзя продолжал крепко спать.

Се Ли не смог отнести Чан Сяоцзя на верхнюю койку, поэтому он осторожно встал с кровати и забрался на верхнюю койку, чтобы поспать.

Как только он лег, то почувствовал запах геля для душа, которым Чан Сяоцзя намазал постель, - очень легкий цветочный аромат. Он повернулся на бок, сунул руку под подушку, но ничего не нашел. Затем он запустил руку под простыню и матрас, но так ничего и не нашел.

Се Ли был по-настоящему измучен. Как только он закрыл глаза, он заснул.

На следующее утро все заключенные в камере посмотрели на Се Ли неоднозначными взглядами. Возможно, из-за Чан Сяоцзя никто не осмеливался ему что-либо сказать.

Се Ли притворился, что ничего не видит.

Когда пришло время завтракать, заключенные из всего тюремного корпуса, которые снова сидели напротив Чан Сяоцзя, периодически удивленно оглядывались на него.

Когда Ху Миньсинь сел со своим подносом, он тоже казался неуверенным. Он взглянул на Се Ли, затем опустил голову, сосредоточившись на чистке вареного яйца. Сидевший рядом с ним человек из той же камеры прошептал:

- Говорят, с Се Ли на этот раз покончено. И все же он снова с Чан Сяоцзя. Интересно, как отреагирует Дай Хао, когда вернется.

Другой человек, сидевший напротив, спросил:

- Как вы думаете, Дай Хао посорится с Чан Сяоцзя?

Больше никто не произнес ни слова.

Ху Миньсинь тоже молчал, притворяясь безразличным, и что-то невнятно промычал.

<http://bllate.org/book/14244/1258339>